

Яркое солнце настойчиво паялилось в окно. Вика открыла воспаленные глаза. Похмельная голова трещала не по-детски. А что она хотела: водка со слезами – горячая смесь! Тут не только голова болеть будет...

Рядом с ней лежал тот самый Сережка, которого вчера она сравнивала с солнышком: веснушчатое лицо, золотистые волосы, светлая улыбка.

«Ну, и разве не солнышко?» – улыбнулась Вика и пробежалась взглядом по комнате. Она-то думала, что ей приснился страшный сон, в котором ее жизнь перевернулась с ног на голову. Но нет, это был не сон – ничего не изменилось со вчерашнего вечера. Ее некогда любимый человек спал рядом с другой, а она... Она тоже – с другим. Вот и закончилась их жизненная эпопея, которую точнее можно было назвать хождением по мукам. Так легко и просто.

«Ага, проще не бывает... Отметим день рождения, ничего не скажешь!»

Двадцать семь – не круглая дата. Врачи вообще говорили ей, что она и до тринадцати не доживет. А она дожила, и пока что на тот свет не собирается. Рано ей еще туда, рано, но и так жить... Так жить больше невозможно! Вика это прекрасно понимала, только изменить ничего не могла до вчерашнего вечера. Но зато теперь все будет по-другому! Лучше ли, хуже, но по-другому. Да, четыре года просто так из памяти не сотрешь, но и прощать измену... Да ни за что и никогда! Хватит, натерпелась: нужно и о себе подумать!

Вика с нежностью посмотрела на спящего Сергея. Что их дальше ждет, одному богу известно. Возможно, проснувшись, он скажет: «извини, дорогая, но по-пьяни – не считается». Или: «ты – моя самая большая ошибка», или...?» Боль резанула по сердцу острым ножом. И за что ей все это? Неужели у нее на роду написано: «живи и мучайся»? Ну почему, почему все так несправедливо в этой жизни? Чем же она так перед Богом провинилась? Кому-то все, а кому-то – хрен?

Она перевела взгляд на соседнюю кровать. Там, со Светкой в обнимку, спал Ванька. Ваню, как совсем недавно она его называла.

Вылезала из шкуры, чтобы ему на тюрьму посылочку отправить, ругалась с матерью. А стоило ли? А ведь писал, что, мол, приеду – женюсь. Он ей и из армии писал, что любит, жить без нее не может, приедет – женится.. Ага, как бы не так! Он – маменькин сыночек, ему от мамы никуда. И дернул же ее черт с этим придурком связаться! А с другой стороны, что ей оставалось? Ждать принца на белом коне? Смешно! Если гадкому утенку она не нужна, о каком принце может идти речь? Да какая разница, кого любить, принца или нищего – лишь бы человек хороший был.

Ванька поначалу тоже был неплохой: носил на руках, заваливал комплиментами, но, до поры до времени, пока выбора у него особого не было. Точнее, пока других девчонок не знал. А потом? Потом-то все и началось. Кому захочется инвалидную коляску возить, если за нормальными можно побегать. И Ванька бегал...

...Вика так ясно помнила их первую встречу. Ванька тогда похож был на беспризорника, уличного мальчишку, которому негде было помыться и нечего одеть. Засаленные волосы, старый растянутый свитер, залатанные грязные штаны. Он ей тогда вообще не понравился. Вот если только глаза... Глаза у него были большие, красивые и нос... Нет, не так. НОС! Внешностью он смахивал на героя мультфильма «Карлик-нос», хотя с ростом у него все было в порядке и горба не было. Он не обладал той неземной красотой, на которую западали бы девчонки. Наверное, именно поэтому он всегда возвращался к ней, а она? Она его понимала и прощала, ибо ей, как и всем девушкам ее возраста, тоже хотелось быть счастливой!

Вика сглотнула ком, который подбирался к горлу, и всем телом прижалась к Сергею. Только сейчас до нее дошло, что они лежат, в чем мама родила. «Оба-на!» – подумала она. «А разве ты не этого хотела?» – ехидно спросил внутренний голос. В памяти всплыл весь вчерашний день.

...Сначала вроде было все нормально, поздравления сыпались со всех сторон. Катерина, сестра двоюродная, даже костюмчик подарила. А самое главное, Сергей самый первый поздравил. В об-

щем, день обещал быть интересным и насыщенным, но приехал он...

Иван появился на пороге, когда уже никто никого не ждал. Впервые за четыре года Вике хотелось, чтобы он исчез, растворился в воздухе, как дым от сигарет. Но нет, он стоял перед ней и что-то доставал из кармана.

– Это тебе! – сказал он, взял ее руку и вложил туда что-то типа цепочки.

Раньше она бы умерла от радости, а сейчас... Вика, наконец, разжала ладонь и уставилась на «подарок».

«Да-а, офигеть! Интересно, на какой мусорке он его нашел? Хоть бы не позорился!» – она с обидой посмотрела на Ваню.

– Что, нравится? – ухмыльнулся он.

«Он и вправду дурак? Или только прикидывается? Нет, точно, дурак!» – сделала заключение Вика.

– Ага!

– Это я вчера возле магазина нашел, – гордо заявил Ванька.

«Нормально! Нет, чтобы соврать: мол, денег нет, пришлось у мамки кольцо забрать, чтобы тебе подарить...» Обида сжала сердце в железные тиски. Это все, что она заслужила? Опять он перед ней свои дешевые понты гнет, а она снова не может сказать откровенно, что о нем думает. Вот сейчас бы швырнула ему в рожу это задрипанное «кольцо» и пусть дарит, кому хочет! Жених нашелся! А то сидит и смотрит на эту безделушку, как баран на новые ворота, как будто ей ничего лучше не дарили! Тьфу, аж самой противно! Вика засунула «бесценный» подарок под подушку. Как говорится: «С глаз долой, из сердца вон!» Эх, если бы можно было так же и с Ванькой сделать! Она бы точно засунула его туда, откуда не выбраться, и забыла, как кошмарный сон. Но он здесь и уже о чем-то хочет с ней поговорить. Даже не трудно догадаться, о чем. Как бы они с мамашкой ни шифровались, все тайное становится явным. Нашли, кого вокруг пальца обвести. Она давным-давно поняла, что ее любимая свекровушка нашла в соседней деревне себе ухажера, а теперь спит и видит, как к нему перебраться.

– Я слушаю тебя, – безразличным голосом сказала Вика, стараясь выдержать дистанцию. Но разве с этим лбом справишься? Он

не успел руку на нее положить, а она уже на лопатках лежит. Сила есть – ума не надо!

– Говори, что хотел, – снова напомнила ему она.

– Мы уезжаем.

– Скатертью дорожка! – с вызовом улыбнулась Вика.

– Я уже работу нашел.

– Я за тебя рада!

Вике так не хотелось в этот день выяснять отношения! Но и так больше невозможно, ей надоело быть куклой. Получается, захотел – приехал, поиграл, потом посадил в уголок, чтоб никто не уволок... Мол, пусть сидит, следующего раза ждет. Нет, так не пойдет, пусть скажет ей здесь и сейчас: либо они вместе, либо...

– А я? – глупо задавать вопрос, на который знаешь ответ, но ей хотелось еще раз убедиться, а вдруг?

– Ты? Вик, ну не задавай глупые вопросы, – Ванька, глядя на нее, выдержал небольшую паузу и спросил:

– И как ты себе представляешь нашу жизнь?

Вика очень часто представляла их совместную жизнь. Раскладывала все по полочкам и вроде из каждой проблемы находила выход. Но сейчас... Сейчас Ванька застал ее врасплох. В данный момент она не знала, что ему ответить. Сказать, что сама справится, это равносильно тому, что встать и пойти. Да, она ходит иногда, но только во сне. А жизнь – не сон, так что никого не обманешь, а себя особенно. Да Вика и не собиралась никого обманывать: ДЦП! Факт налицо. Она такая, какая есть и вряд ли в ее жизни что-то поменяется. Эх, Ванька... Сейчас опять начнется: «Ты не сможешь родить, не сможешь за ребенком ухаживать». Они сто пятьдесят раз об этом говорили и что толку? Ни она, ни он не осмеливаются первым разорвать эти отношения, но, видимо, время пришло. Вика посмотрела на родного и в то же время уже чужого человека и пожалала плечами.

– Вот и я не знаю, – безразличным голосом сказал Иван.

– Нам надо было расстаться четыре года назад, когда вы меня со своей мамашей заставили аборт сделать, – сквозь слезы проговорила Вика...

– Вик, ты что, опять плачешь? – неожиданно спросил Сергей, который только что проснулся. – Ну, ты чего?

– Да, так... – хлюпая носом, ответила Вика. – Не обращай внимания.

– Как это: не обращай? – улыбнулся Сережка. – Вчера жениться на себе предлагала, а сегодня...

«Господи!» – подумала Вика и стыдливо прикрыла лицо. Как же ей сейчас было смешно и стыдно! Зато вчера смелость так и перела...

Все получилось как-то само собой. Недавно, на одной из вечеринок, она, с помощью Екатерины призналась Сереге в любви, точнее в том, что он ей нравится. У него, конечно, сначала волос на голове встал, но потом снова принял привычное положение. И с каждой выпитой стопкой Сергей понимал, что Вика не такая уж и необычная, как кажется на первый взгляд. А вчера, после его страстного поцелуя, она вообще предложила ему на себе жениться, и он сказал, что подумает.

«Интересно, подумал?» – Вика посмотрела на Сергея винноватым взглядом. Ей вспомнилась их первая встреча, где-то около месяца назад.

...Сережка понравился ей сразу. «Это же надо было», – улыбнулась Вика. А как здесь не улыбнешься, такое нафантазировать. Она прекрасно знала, что от Екатерины что угодно можно ожидать. Но на этот раз, с Анюткиных слов, она понимала, что ее сестренка перешла все границы. Прибегая к ней в гости, Аня, дочка Катерины, рассказывала, что у них бомжи живут. Перед глазами сразу вставала картинка: грязные и вонючие мужики, которые лазают по помойкам. Неужто ее любимая сестренка докатилась до ручки? С грязными бомжами в одном доме живет? Или Анютка врет? Любопытство разыгралось в ней не на шутку. Сегодня она точно уговорит Пашку свозить ее на велике к Катерине в гости. Вот тогда и посмотрит. И посмотрела на свою голову! И младшеньких иногда надо слушаться. Это она сейчас понимает, а тогда... Тогда Вике были до фонаря все Пашкины предупреждения, что, мол, у велика колесо слабое, что они могут перевернуться. Она ведь если решила, значит решила. Через пятнадцать минут Виктория сидела у сестренки на диване. Им было, что друг другу рассказать. У Екатерины в очередной раз не сложилась семейная жизнь. То ли ей попадаются

одни козлы, то ли она хозяйка никудышная. Но факт в том, что она снова разошлась и вернулась к своей мамашке, у которой всегда, как у латыша: хрен да душа. Как бы там ни было, в тесноте, да не в обиде. И жених уже нашелся: Катька – такой товар, который долго не залеживается. Не то, что она, Вика...

– А ты все по Иванушке сохнешь? – улыбнулась Катерина.

– Да пошел он! – отмахнулась Вика. Вот и ее очередь пришла душу изливать, но тут хлопнула входная дверь. В комнату вошли два мужика приятной внешности.

– Это наши квартиранты, – чуть слышно пояснила Катерина и обратилась к Сережке:

– Знакомься, это моя сестренка Вика. А это Сергей!

– Очень приятно! – улыбнулась Вика и подумала: «Если это бомжи, то я испанский летчик».

Она вздохнула с облегчением. Слава богу, ее опасения не подтвердились: Сережка нормальный мужик, только шептунной какой-то. Пролетел вихрем по комнате и исчез, даже ей руки не пожал. Видимо, он так же, как и некоторые, сторонится таких людей, как она, но ей не привыкать.

– У тебя с ним серьезно?

Катерина, улыбаясь, пожала плечами. Мол, проживем, посмотрим. А долго смотреть и не пришлось. То, что Сережка ее судьба, Вика поняла сразу, на обратном пути домой, когда слетела с велосипеда, пробороздив лицом асфальт. Да так, что аж искры с глаз посыпались! Две шишки, содрванное лицо, фингал... В общем, мама родная едва узнала. Ладно, хоть шею не свернула да с мозгами осталась.

Это сейчас ей смешно, а тогда... Тогда, видимо, ее бог наказал, чтобы в чужую семью не лезла, а она все равно заползла. Вернее, Катерина ее попросила найти богатого жениха. А как же Сергей? Сергей ей уже поднадоел, да и что с него взять: ни кола, ни двора, к тому же глотка луженая. Но Вика с этим была не согласна – в семье много зависит от женщины. А Катерина выпивала с Сережкой наравне, так что тут еще как посмотреть...

– Воот, так уже лучше! – глядя на Вику, снова улыбнулся Сергей. – Пообещай мне, что ты не будешь больше плакать.

– Попробую, – пообещала Вика. – Просто очень больно... Знаешь, сколько я для него сделала, а он? Можно было бы не гадить в душу, а просто расстаться, так нет же...

– Что с дурака возьмешь? – Сережка с отвращением взглянул на парочку на соседней кровати и крепче обнял Вику. Он прекрасно понимал, что у нее творится сейчас там, внутри, потому что сам недавно пережил предательство любимой женщины. Ну да, именно любимой. Катерина запала ему в душу, как только появилась у матери, где они с мужиками снимали хату. Она тогда еще была замужем, так что он на ее сердце не претендовал: не привык он чужих жен соблазнять, не привык. Но судьба ему вдруг улыбнулась: в один прекрасный день Екатерина приехала и сказала, что развелась с мужем. Вот здесь-то Сережка решил: что бы ему ни стоило, но он добьется этой женщины. И добился, даже раньше, чем ожидал. Окрыленный любовью, Сергей всячески пытался выстроить свой хрупкий мирок, который плавно должен был перерасти в крепкую семью. Именно такую, как у родителей, ведь о ней он так долго мечтал. И неважно, что у Екатерины есть дочь, он будет любить ее, как родную. И вроде все же было хорошо. Сергей был готов завязать глотку на крепкий узел, но Катерина...

Екатерине, то ли от скуки, то ли оттого, что по жизни так не везет, периодически хотелось выпить. Нет, до алкашки ей еще далеко, но перед сном пару рюмочек пропустить – это запросто! А разве любимой женщине откажешь? Вот Сережка и шел на поводу у Екатерины. Почти все заработанные деньги уходили на водку, а оставались копейки, которых едва хватало на хлеб. Этим-то Катька и была недовольна, упрекая Сережку, что он не может семью прокормить, что ей такой мужик не нужен. Они то ссорились, то мирились и так могло продолжаться бесконечно, но... Однажды вечером, ничего не сказав, Екатерина ушла из дома, а вернулась утром. И не одна, а с мужчиной. Сергей долго не мог поверить, что в этой жизни может быть все так просто: сегодня с одним, завтра – с другим. Неужто все бабы одинаковые? Или он рожей не вышел?

Сергей вспомнил свою первую любовь, которая обещала его дожидаться из армии, но не дождалась. Тогда они были молодые, глупенькие, а сейчас? Сейчас вроде бы голова по другому мыслит, уже хочется семьи, детишек...

– О чем задумался? – чуть слышно спросила Вика. Ей очень хотелось прочесть его мысли, но она не ясновидящая. Отличить хорошего человека от плохого – это запросто, а вот, что он думает... Ее так и подмывало спросить: жалеешь, что со мной в постель лег? Или ищешь способ, как лучше отвязаться, чтобы не обидеть? В голове была такая мешанина мыслей, что сейчас самый опытный психолог хрен бы разобрался.

– Да так, ни о чем, – задумчиво ответил Сергей и посмотрел на часы. – Вставать пора.

Чтобы не обидеть Вику, он накрыл ее губы нежным долгим поцелуем.

Этот день тянулся, как осенняя грязь за ногами. На душе так же холодно, серо и ненастно. Такое ощущение, словно тебя случайно уронили в самую большую лужу, вывалили в грязь, а помыть забыли. И теперь сидишь и обтекаешь. «Вот это день рождения!» – снова подумала Вика. Неделию назад она бы ни за что не поверила, что это может с ней произойти. Но ведь произошло же. И с этим нужно как-то жить. «Хорошо, хоть рядом сестренка. Есть, кому высказаться, с кем поплакать и посмеяться». Сидя у Катерины в комнате, Вика вспоминала вчерашнюю прогулку под луной.

...Это ж надо было! Ну, а что кота за хвост тянуть? Ей хотелось выяснить все и сразу, какие чувства к ней питает Сережка и питает ли вообще. Вот она в него практически влюбилась. А он?

– Сереж, а я тебе хоть чуть-чуть нравлюсь? – не ожидая от себя, спросила Вика и тут же прикусила язык, но было уже поздно. Слово – не воробей, вылетело – не поймаешь. Да и что его ловить, смелости же полные штаны!

– Если бы не нравилась, не целовал бы.

– А ты бы женился на мне? – продолжала наступать Вика.

– Не знаю, надо подумать, – растерялся Сергей. Такого поворота он никак не ожидал! Да, он и правда иногда уже задумывается о женитьбе. Как-никак, а годы идут, пора бы и детишками обзаводиться, но с Катериной не получилось. Он вообще в женщинах разочаровался. А может, та самая пока еще просто не нашлась?

– А я бы вышла за тебя... – не унималась Вика. – Давай попробуем, может что-нибудь и получится?

– А можно подумать? Такие дела так сходу не решаются.

– Я понимаю, не каждый готов такую ответственность на себя взять, извини.

– Тебе не за что извиняться, все будет хорошо! – проговорив это, Сережка склонился и поцеловал Вику. Не потому, что она его попросила. Ему самому так захотелось.

Жар прокатился по всему телу и спустился в низ живота. Так ее еще никто не целовал, такие страстные поцелуи она только в кино и видела. Ей, как и всем обычным девушкам, хотелось, чтобы ее тоже целовали – страстно, нежно, жарко. Наверное, Ванька действительно правду говорил, что не любит ее, а она, дурочка, не хотела в это верить. Сейчас Вика сравнивала себя со спящей царевной, которую принц поцеловал и она проснулась. Сережка словно разбудил ее своим поцелуем ото сна, из которого она сама была не в состоянии выбраться.

Наконец, эмоции улеглись, но Вика все не могла поверить, что это именно с ней происходит. Видимо, не зря она верила, что где-то на этой огромной земле ходит-бродит ее половинка.

– Где же ты так долго был? – прижимаясь к его руке щекой, чуть слышно спросила она.

– Жил на севере с белыми мишками, – шутя, ответил Сережка. Как бы странно это ни казалось, но так спокойно и хорошо ему уже давно не было.

Они шли домой самой длинной дорогой, и каждый из них хотел, чтобы эта дорога не заканчивалась.

Дома их встретили все те же лица. Ванька уже всюду зажимался со Светкой, так что ему было до фонаря, что творится у Вики на душе: они же расстались. Вике же казалось, что где-то внутри сорвало кран, и теперь слезы текли беспрестанно, а Сергей их вытирал. На этот раз Вика плакала вообще не из-за Ивана, а из-за Олежки, братишки, который служил в армии. «Если был бы он дома, то точно Ваньке морду бы набил!» – подумала она и вспомнила тот самый день, когда брата провожали в армию. Второй раз, потому что первый либо оказался комом, либо Олежке повезло. Вот смеху-то

было: мать ему такие проводы отгрохала, слезы неделю лила, а он взял и вернулся. Сказал, что был перебор и теперь только осенью заберут. Как Олежка и говорил, осенью пришла повестка. Мать снова накрыла стол. В этот раз собрались все близкие, выпили и разошлись. Но Олежку это не устроило: он последние деньки на гражданке, так что оторваться надо по полной программе, а куда без любимой сестренки? Вот и подались они во все тяжкие: поперлись домой к тете Тамаре, там хоть на голове стой, никто и слова не скажет. Стопка за стопкой, стали вспоминаться прежние обиды. Вот уже и Вика плачет, но не потому, что брат в армию уходит. За ним она завтра поплачет, а сейчас ей обидно, что любимого с ней рядом нет. Что он в очередной раз от нее отказался. И на этот раз, видимо, всерьез: уже полтора месяца не видятся и все из-за того, что она захотела самостоятельно жить. Ну, надоело ей это общежитие, надоело! Крик, шум, гам! Ни умыться, ни подмыться, а самое главное, хоть десять раз на день убирай, толку никакого! Да еще из-за какого-то Харченко, сожителя свекрови, голодом сидеть? Надоело!

На тот момент Вика именно так считала. Собрав свои вещи, она ушла к матери в надежде, что уже завтра Иван придет и предложит ей снять квартиру. К сожалению, этого не случилось. Баба с возу – кобыле легче! Вот так и закончился их первый, горький опыт совместной жизни, о чем Вика иногда очень жалела, над чем в тот вечер и плакала. Ну, а Олежке под градусом море по колено: решил за все сеструхины слезы Ваньке морду набить. Вот только силы свои не рассчитал – ноженьки пьяненьки не донесли.

– Как же я за ним соскучилась, – еле сдерживая слезы, проговорила Вика. – Был бы он дома...

– Не переживай, скоро придет, – улыбнулась Екатерина и снова присосалась к кружке с водой. – Ох, как хорошо водичка пьется! Хочешь?

Вика мотнула головой.

– Вик, ну хватит, а? Понимаю, неприятно, но не смертельно. Знаешь же поговорку: «Что ни делается, все к лучшему»?

– Знаю. Мне надо было расстаться с ним еще тогда, когда его мамаша повезла меня на аборт, – снова вспоминая весь кошмар, который ей пришлось пережить, Вика шмыгнула носом. – Это надо же такое сказать, что я затащила Ваньку на себя! Героакила наши!

– Это кто такое сказал?

– Тетя Роза, маманя его.

– Та может, – Катерина грустно улыбнулась. – Как ты вообще с ним снюхалась? Я помню, он как-то приезжал к нам в гости, а ты от него шарахалась.

...Правду говорят: «Любовь зла – полюбишь и козла!». Но тогда еще Вика не знала, что Ванька козел и полюбила она его не сразу. После их первой встречи около года прошло, прежде чем они снова увиделись. Как-то странно все получилось: Ванькина двоюродная сестра Иннеска сказала, что ее тетушка купила в их деревне дом и уже почти переехала. А на следующий день к ним в «негритянский квартал», где Вика на тот момент обитала, заглянул он и попросил водички. Слово за слово, разговорились... Потом на нее обрушился шквал комплиментов, которые ей, наверное, еще никто не говорил. Ну, а она, дура, развесила уши. Потом Вика и ойкнуть не успела, как Ванька ее поцеловал. С этого все и началось. Какая-то безумная волна страсти захлестнула ее. «А вдруг все получится?» – подумала она и отдалась во власть своим чувствам, которые разбушевались в ней не на шутку. Наверное, впервые в жизни ей не надо было притворяться, а самое главное – не надо было обманывать себя и всех остальных, что Ваньку она любит, как друга. Нет, он ей был далеко не друг! Для нее он тогда был самым желанным мужчиной на свете. Ну и что, что он на несколько лет ее младше? В жизни всякое бывает. И ведь действительно, то, что Иван шел ей навстречу, для нее было хоть и маленькой, но победой!

Благодаря Иннеске они с Ванькой встречались почти каждый день, а потом и вовсе Вика перебралась к Инке: вдвоем легче ляжку тянуть. Да, ее никто не заставлял, жила бы дома, там всегда было что поесть. Но разве же в еде счастье? Лучше она будет есть два раза в день, зато будет себя чувствовать полноценным человеком. А Иннеска ее именно так и воспринимала. Да и не только она, но и все Викины знакомые, кроме матери. Мать же к ней относилась как к цветку или к животному: накормлена, чистая, ухоженная. Что еще нужно ее дочери? Только Вике не хотелось мириться с этим! Она такая же, как все! Ну и что, что она на коляске? Такое может с каждым случиться, и что, прятаться теперь в четырех стенах? Она не из

той породы, которая сама себя съест своей же жалостью. Вот других она пожалеть может, может даже посочувствовать им. У Иннески все было при себе: ноги, руки да и красотой ее бог не обидел. Копна черных густых волос, большие карие глаза, губы, словно спелые вишни, на щечках ямочки. Грех в такую не влюбиться. Вот именно, что грех.

От поклонников отбоя не было: сегодня один, завтра – другой. А вот счастье... Со счастьем был напряг. Да так, наверно, у всех детей из неблагополучных семей сплошь и рядом такое встречается.

Викину семью тоже нельзя было назвать благополучной. Хоть и мать не пьет, а толку?

Вика тяжело вздохнула, сглотнула противный комок, который то и дело подбирался к горлу и посмотрела на Катерину, которая, несмотря ни на что, сладко посапывала в две дырочки. Вот бы ей так! Но опять перед глазами всплывает очередная картинка.

...Да, какой же дурочкой она тогда была! Ей надо было бежать из дома и чем дальше, тем лучше, а она? Она была очень напугана! Еще бы! Не каждый же день тебе приходится понимать, что ты беременна. Вика поняла это после двухнедельной задержки. Ей в тот момент показалось, что мир перевернулся с ног на голову. Девушка понимала, что у нее в животе маленькое и в тоже время самое большое сокровище мира, которое уже она любила больше жизни. Только вот полюбит ли его мама? На протяжении двух недель ее мучил один и тот же вопрос, и с каждым днем ей становилось все страшнее и страшнее об этом думать. Но и не думать она не могла. Рано или поздно все равно ей придется обо всем рассказать матери, и вот тогда одному богу известно, что их с малышом ждет.

Однажды Вика поняла, что так больше продолжаться не может! «Убьет – так убьет!» – подумала она, глядя на мать, которая готовила обед. На глаза навернулись слезы, все было решено. Она скажет матери здесь и сейчас, и будь, что будет!

– Мам, у меня будет ребенок.

Светлана посмотрела на дочь непонимающим взглядом.

– У меня будет ребенок, – дрожащим голосом повторила Вика.

– Ты что! Ты что такое говоришь?! – истерично выкрикнула Светлана и врезала дочери пощечину. – Я тебя сейчас убью! Ах ты, сучка такая, дошлаешься? И что я с тобою теперь делать буду?! – женщина принялась охаживать дочь полотенцем, но Вика не чувствовала физической боли. Намного больше ее ранили материнские слова, которые, словно помои, лились из ее рта. – Кто тебя обрюхатил?! Кто?!

– Какая разница?

– Я все равно найду, лучше сама скажи! – задыхаясь от гнева, снова выкрикнула Светлана.

– Меня изнасиловали, – соврала Вика.

– Кто?

– Какой-то мужик, я его не знаю.

– Где?! – продолжала допытывать Светлана.

– Когда я у Инки жила, – снова стала врать Вика. – Какой-то мужик зашел и меня... – горькие слезы покатались по щекам.

– А где все были?

Вика пожалала плечами.

– Ну-ну! Давай, говори, – с сарказмом сказала Светлана. – Если не скажешь, я сейчас еду к Инке, потом вызываю милицию и пусть они с вами разбираются!

Через полчаса перепуганная Инка уже сидела возле нее на диване и допытывала, какой такой незнакомый мужик ее изнасиловал. А самое главное, когда. Ведь она никогда не оставалась дома одна! Если ее не было, так баба дома была. Как бы Вику не уговаривали сказать, от кого ребенок, она продолжала стоять на своем: любимых не сдают!

– Вик, если ты не скажешь, то я сама скажу, – не выдержала Инка. Кому же, как не ей, знать, от кого у нее ребенок. Конечно же, от ее братика, черт бы его побрал!

– Что, говорить? – девушка еще раз внимательно посмотрела на Вику, затем перевела взгляд на ее мать, которая ей сейчас напоминала обозленную собаку и готова была всех порвать. А особенно свою дочь и того, кто ей ляльку заделал! И за что ей такое наказание: собственного брата сдавать? Но и молчание тоже не выход.

– Это ведь Ванька?

Вика потупила глаза и отрицательно замотала головой.

– Вик, слушай, хватит врать! Я ведь точно знаю, что это он, – Инка печально вздохнула.

– Вот и пусть он везет тебя на аборт! Твой ребенок мне на х... не нужен! Мне хватает тебя по самое... – Светлана провела рукой по горлу.

– А мне твои! – вскипела Вика. Она прекрасно понимала, что сестренки ни в чем не виноваты. Они ей нужны будут всегда и везде, но мать переходит все границы дозволенного. – Почему их папаша ни хрена не зарабатывает?!!! Живете на мою пенсию!!! И меня же шлюхой называете!!!

Боль острым ножом резанула сердце. Ведь можно сказать, на ее пенсию и живет семья. Ну, Олежка еще в совхозе работает, но там не платят ни шиша. Мать раз от разу калыммила, но основной доход – Викина пенсия. В то время одни пенсионеры хоть как-то сводили концы с концами. Именно поэтому мать и забрала Вику из интерната. О чем девушка с одной стороны иногда очень жалела, а с другой... С другой, наслушавшись страшилок, Вика боялась попасть во взрослый интернат.

В реальность ее вернула Катерина, которая, проснувшись, снова потянулась за кружкой.

– Я чё, спала? – чуть слышно проговорила она и опять плюхнулась на подушку. – Вик, может и тебя положить? Отдохнешь, наверно, устала сидеть?

– Я уже привыкла, так что не переживай.

– Ну, как хочешь, а я еще полчаса подремаю, не обидишься?

– С чего бы ради я обижалась, – печально улыбнулась Вика и снова погрузилась в воспоминания.

...Вот уже и Ванькина мать ее отчитывает, мол, он был пьяный, а она этим воспользовалась. Ну да, взяла и положила на себя, потом еще, наверное, помогла штаны снять. А она и сама не знала, что на такое способна! Спасибо, хоть просветили! После обвинений тети Розы Вика взглянула на Ваньку. Сейчас он ей напоминал побитого пса, который, поджав хвост, жалобно смотрел на своего хозяина, на мать. Он готов был на все, лишь бы снова не получить от нее по загривку. Ванька сразу дал понять, что ребенок ему не нужен, а

Вика и подавно. Его мама не для того родила, чтобы за какой-то инвалидкой горшки таскать! Так что аборт и только аборт!

Вот так, ни за что ни про что, можно сказать, три родных человека вынесли смертный приговор ее еще не родившемуся ребенку! А главное, за что? Убийц и то милуют, а здесь?

Невыносимая боль рвала сердце на части. Если ее ребенок умрет, она умрет вместе с ним и пусть мамочка своих детей сама воспитывает.

Так решила Вика, завязывая на шее лосины, которые были уже привязаны к батарее. Они здесь никому не нужны!

Вика вытерла слезы и обвела взглядом комнату, мысленно прощаясь с жизнью. Но, по закону всемирной подлости лосины растянулись, и мать вернулась не в нужный момент.

«Вот так всегда: умереть и то спокойно не дадут!» – зарывшись с головой в подушку, глотая горькие слезы, думала Вика,

Потом все было как в бреду: она день и ночь плакала, ругалась с матерью, сестренки от нее не отходили. Мать с боем тащила ее за волосы в ванную, чтобы перед больницей помыть.

На следующий день приехала «Скорая», ее загрузили в машину и сделали какой-то укол, после которого Вике стало все по барабану. Потом была больница, страшное кресло, наркоз и холодные железяки. Все кружилось, двоилось и куда-то плыло.

Проснулась она на кушетке, уже выпотрошенной. Сейчас Вика ассоциировала себя со стручком фасоли. Почему именно фасоли? Просто в детстве они с бабушкой шелушили фасоль, вынимали из стручка зрелые фасолинки, а кожуру выбрасывали. Стручки хотя бы плод в себе вырастили, а она? Она своего малыша позволила убить! Мать же ей сказала, что она – ее опекун – одна вправе распоряжаться жизнью Вики. Что у нее «желтая карточка», и поэтому должна сидеть и молчать в тряпочку! Мать еще и шантажировала ее: дескать, не поедешь – напишу на твоего Иванушку заяву, и отправится он на малолетку! А там, ох, как не сладко, тем более за изнасилование. Хоть Ванька для нее тогда был самой последней сволочьей, но ей не хотелось, чтобы его сделали девочкой...

Екатерина, которая уже приоткрыла глаза, снова вернула девушку в реальность. Вика вытерла слезы и натянула на лицо какое-то подобие улыбки, потому что в комнату вошла Анютка.

– Ма-а, я есть хочу, а ты спишь, – прогнусавила она. – Вставай!

– А баба со Светкой где? – зевнула Катерина.

– Не знаю, там одни мужики сидят.

– И Сережка там? – уточнила Вика.

– Да. Мам, вставай я есть хочу!!!

– Встаю!!! Встаю!!! – недовольно рывкнула Катька. – Хлеба с молоком бы поела!

– Пить не надо, – упрекнула мать Анютка.

– Чё сказала? – Екатерина дала дочери подзатыльник. – Еще не выросла, чтобы меня учить!

Выходя из комнаты, она обратилась к Вике:

– Вик, сейчас я скажу мужикам, они тебя вынесут.

– Не надо.

– Нет, дорогая! Ты на сегодня отплакала! И не смотри на меня так, – улыбнувшись, Екатерина скрылась за дверью.

А Вика с трепетом в сердце стала ждать, кто же за ней придет? Сережка? Дядь Коля? Или кто? Под «или» Вика подразумевала Катерину: если мужики не захотят, то она ее вынесет, ей не привыкать. И ведь действительно, не привыкать! Катерина начала ее носить, когда сама была от горшка два вершка. Вика так ясно вспомнила тот день, когда они впервые пришли знакомиться с бабой Дусей, матерью будущего «папы» Володи.

...Был первый день зимы, на улице стояла чудесная погода, под ногами поскрипывал снежок. С небес сыпались белые хлопья и ложились на землю белым пушистым одеялом. Уже начинало смеркаться, со дворов доносился собачий лай. Вика, довольная по уши, сидела в саночках, которые мама с дядей Володей тянули за веревку.

– Мам, еще далеко?

– Не очень. Дочь, ты не замерзла? – заботливым голосом спросила Светлана.

– Нет!

– Скажи, дочь, мы мороза не боимся! – обернувшись, улыбнулся Владимир и обнял Светлану за плечи, затем свернул с дороги

на тропинку, бывшую после выпавшего снега рыхлой, где саночки то и дело проваливались. Владимир передал Светлане веревку, а сам взял Вику на руки.

– Ну что, идем?

Глядя на дочь, Светлана с задумчивым видом плелась следом. Ей хотелось хотя бы на несколько минут оттянуть эту встречу. Но, еще пару шагов и они войдут в дом. И что потом? Как она посмотрит в глаза женщине, которая растила своего сына не для того, чтобы он всю жизнь носил на руках чужого ребенка. Света понимала, что каждой матери хочется, чтобы ее детям в жизни повезло, чтобы они были счастливы. Евдокии Семеновне, наверняка, тоже этого хотелось, но Света, как говорится, захмутила мужика, взвалив на его плечи свое горе. Владимира, конечно, никто не садил на цепь и не приковывал наручниками к батарее. «Захотел бы уйти – ушел!»

Сердце выпрыгивало из груди, стало трудно дышать, ей еще никогда не было так страшно, как сейчас. Она стояла за спиной Владимира, когда открылись двери.

– Ну, наконец-то! – Евдокия Семеновна расплылась в улыбке. – А я уж думала, что и не придете! Ну, проходите, проходите! Чего на морозе стоять?

– Оппач-ки! – Владимир по привычке нагнулся, чтобы не ударить голову о дверной косяк.

Вика зажмурилась от яркого света и уткнулась в плечо мужчине.

– Ну-ка, ну-ка, кто тут к нам пришел? – Евдокия Семеновна развязала девочке шарф и взяла ее на руки. – Давай знакомиться! Меня баба Дуся зовут, а тебя?

Вика, крутя головой по сторонам, взглянула на маму и дядю Володю, которым тоже не терпелось узнать, как ее зовут.

– Доча, ты что, язык проглотила? – обнимая Светлану, улыбнулся Владимир. – Ой, застеснялась, застеснялась, дочь! Ну, скажи бабушке, как тебя звать!

– Вика, – в полголоса ответила девочка и потянула руки к нему.

– Я думаю, вы без нас обойдетесь, а мы пойдем, посмотрим, чем занимаются Катюха с Сашком, – сказал дядя Володя и, взяв Вику на руки, пошел с ней в детскую комнату.

– Эй, архаровцы! Вы что гостей не встречаете?!?!

На Владимира, пожимая плечами, смотрела неряшливая девочка. Рядом с ней сидел, потупив глаза, маленький белокурый мальчик в застиранной кофточке.

– Что, опять маман в загул ушла?

– Уже третий день дома нет...

– Понятно, – он погладил племянницу по голове, взъерошив ей и без того торчащие в разные стороны волосы. – Ну что, давайте знакомиться: это моя дочь Вика.

– А я Катя, это мой брат Саша. Дядя Володя, а что, у вашей дочи ножки и ручки болят? – поинтересовалась девочка. – Бабушка говорила, она ходить не умеет?

– Не умеем, но обязательно научимся. Правда же, дочь? – он поцеловал Вику в щеку.

Вика кивнула головой, не сводя глаз со своих новых знакомых. Она в первый раз видела таких чумазных детей, но Катя ей все равно понравилась. Вике не терпелось с нею подружиться.

В детскую заглянула довольная Светлана. Ее взгляд пробежался по комнате и остановился на железной кровати, на которой, прижавшись друг к другу, сидели ребята. До сегодняшнего дня она думала, что Владимир из-за какой-то неприязни к сестре говорит о той разные гадости. Но оказывается, он нисколько не преувеличивал: все было именно так, как рассказывал Владимир.

– Эта тетя Света, моя жена!

– А моя мама, – чуть слышно добавила Вика.

– Конечно, твоя, – улыбнулась Светлана и присела на корточки перед ребятами. – А вы, значит, Екатерина и Александр? Нам дядя Володя много о вас рассказывал.

– И что же он вам про нас рассказывал? То, что мы несчастные дети? Или что мать меняет мужиков, как перчатки? – подтянув коленки к подбородку, Катя обиженными глазами посмотрела на Владимира, которого считала самым близким и родным человеком. С ним она могла поговорить по душам и поплакать у него на плече.

«А теперь? Теперь у него есть семья, жена, вон какая красивая, дочка... Вот бы нам такую семью!» Слезы так и наворачивались на глаза, но Кате не хотелось показывать свою слабость.

– Катя, ты что, не с той ноги встала? Или характерец решила показать? Со своей недоделанной мамашей будешь так разговаривать! Ты меня поняла? Я тебя спрашиваю: ты меня поняла?

– Поняла, – шмыгая носом, ответила Катюшка.

– Смотри-ка, на губах молоко еще не обсохло, а она уже свой гонор показывает!

– Вов, может, хватит? Ребенку и так плохо... – Светлана обняла девочку и прижала к себе.

Но Катя тут же отстранилась. Подтянув к подбородку колени, она окунула лицо в ладони и беззвучно заплакала. Катерина Светлане напоминала героя из мультика «Мойдодыр», но, наверное, она была такой не по своей вине... Катю просто к чистоте не приучили. Кареглазая девочка с длинными ресницами, круглым лицом и вздернутым носиком смотрела на Светлану заплаканными глазами. Ее осмысленный взгляд говорил о том, что она уже не маленькая глупенькая девочка, которая верит в чудеса и сказки про деда Мороза, который приносит детям подарки. Все это чушь собачья! Она прекрасно знала, что деда Мороза не бывает, а чудес – тем более. Бабушка как-то ей рассказывала, что где-то там, высоко на небе, за белоснежными облаками живет добрый волшебник – Боженька, который может исполнить любое желание: нужно только попросить. И Катя его просила, каждый день просила, чтобы мама опомнилась и перестала водить в дом разных дядек. Чтобы на миг задумалась и вспомнила, что у нее есть дети. Она даже выучила молитву «Отче наш» и читала всегда перед сном, как ее учила бабушка, но все было впустую! Боженька почему-то ее не слышал. А она так на него надеялась... Все проблемы по дому свалились на ее хрупкие плечики. Вместо того, чтобы наслаждаться детством, играть в куклы, кататься с ребятами с горки и лепить снежную бабу, Катя заботилась о младшем братишке, которого каждый день надо было чем-то кормить. «Только чем, если в доме хоть шаром покати! Хорошо еще, что бабушка рядом живет, а так бы уже давно в детский дом загремели», – с грустью подумала Екатерина и посмотрела на Вику.

– Мама, а чё Катя плачет? Это папа на нее накричал?

Светлана не знала, что ответить дочери. «И кто меня потянул за язык?» Но откуда ей было знать, что девочка так болезненно реагирует.

– Катюш, извини меня, если чем тебя обидела! Просто дядя Володя так много хорошего о тебе рассказывал! Знаешь, он гордится тобой!

Девочка перевела растерянный взгляд на Свету. Теперь ей казалось, что эта женщина вовсе не такая, как другие. Тетя Света не хотела ее ничем обидеть.

– Это вы меня извините, – всхлипнула Катя. – Я не люблю, чтобы нас жалели.

У Светланы сжалось сердце. Она посмотрела на дочь. Если бы Катюшка знала, как ей знакомы эти чувства! Чмокнув дочь в затылок, женщина, улыбаясь, проговорила:

– Катюш, не плачь! Вот увидишь: все еще наладится!

– Катя, не плачь, – Вика провела своей непослушной ручонкой по ее жирным волосам и спросила: – Мама, а Катя с Сашей придут к нам в гости?

– Конечно, придут!

Потом в комнату вошел Владимир и пригласил всех за стол. Вот так и познакомились Вика с Екатериной и крепко привязались друг к другу: до сих пор отвязаться не могут.

Скрипнула входная дверь, Вика сразу поняла, что это за ней. Незримая волна прокатилась по всему телу и обожгла ей щеки. Это был Сергей! «Ну, наконец-то!» – подумала Вика и сердце застыло в предвкушении. – «Авось поцелует?» Не поцеловал. Он вообще сегодня не был похож на того влюбленного Сережку, с которым она вчера так жарко целовалась и который, как ей показалось, был готов на все... Неужели что-то изменилось? Ну да, он проспался и начал мыслить трезво. Это ж только под градусом все такие смелые, а как до серьезного дела доходит, так в кусты. Неужто и Сережка такой же? Или похмельный синдром? Вон, видок-то у него тот еще... А ведь надо к тому же Вику вынести. А что он хотел? «Любишь кататься, люби и саночки возить!» – подумала Вика и обхватила Сергея за шею. Вот так, а говорил, носить не будет! Она улыбнулась, вспоминая, как однажды они вернулись с Анюткой домой.

...Дома никого, кроме мужиков, не было. А Вике это только на руку. «Сейчас он меня занесет», – подумала она и отправилась пле-

мянницу за Сережкой. Но вместо него пришел дядя Коля, а Анютка передала ей Сережкины слова: мол, вот мне делать ничего, как только ее носить. Вика тогда еще в сердцах подумала: ах, ты говнюк!...

Виктория с горечью посмотрела на соседнюю кровать, на которую почему-то сегодня лег Сережка. «Чудес не бывает...» – подумала девушка, закусив губу, чтобы не расплакаться.

Эта ночь была, наверное, самой длинной на свете, самой тяжелой и болезненной. Трудно было контролировать свои эмоции, которые то и дело просились наружу. Как тогда, перед абортom. Или когда ее мама у бабушки оставляла. Или в Ежевске, когда ее положили спать рядом с покойником. Ей казалось, еще чуть-чуть, и сердце разорвется от боли на мелкие кусочки и она умрет. Ну, это ей не Ежевск, она не беременна, да и мама бросать не собирается. А Сережка? Сережка бросил, попользовался и бросил, как ненужную тряпку, бумажку, презерватив, а она-то думала... А оно-то оказалось... Даже спокойной ночи не пожелал, не то что... Он спит, а она?

Вика вытерла об подушку горькие слезы. Наверное, материнские слова и вправду подтверждаются: она на хрен никому не нужна. Только если так, на ночь. Но она не шлюха и никогда ей не станет. Вика посмотрела на звездное небо. Откуда-то издалека в окно заглядывал молодой месяц, словно напоминая ей о вчерашней прогулке. Да, что ни говори, а вчера хорошо было. Особенно, когда Сережка вызвался сходить с ней в ларек за очередной порцией горячительного.

...Дул прохладный, свежий ветерок, небо было усыпано звездами. Где-то впереди, из-за деревьев, выглядывал месяц, в траве трещали кузнечики. Сергей впервые в жизни, не спеша, катил инвалидную коляску, а Вике было так хорошо и просто общаться с человеком, который отвечает ей взаимностью во всем. У девушки создавалось такое впечатление, будто бы Сережка читает ее мысли: вот ей захотелось, чтобы ее поцеловал, и он наклонился для поцелуя. Захотелось обниматься – он ее обнял. Захотелось узнать, откуда он и каким его ветром занесло к ним в дыру – да ради Бога, пожалуйста. Хотя Вика прекрасно знала, каким ветром его к ним занесло. Екате-

рина ей сто раз об этом рассказывала, но ей почему-то хотелось это услышать от самого Сергея. А вдруг? Вдруг Катерина что-то не так поняла, или преувеличила: у этих Ласточкиных привычка такая, раздувать из мухи слона. Вон у них тетя Тома пьет еще похлеще мужика, но баба же ее из дома не выгоняет. Неужто Сережку родная мать выгнала? Ну, ладно, ее-то мать оставила у бабушки, чтобы Вика не мешала личную жизнь устраивать. А Сережка? Каким образом он мог помешать матери? Слушая Сергея, Вика в очередной раз убеждалась, насколько они с ним похожи.

Как у всех нормальных детей, у Сережки была типичная семья, чем-то похожая на Викину. В первом браке его матери не повезло: муж оказался негодяем, они разошлись. Но не бывает худа без добра! Однажды Лилия Ивановна встретила любовь всей своей жизни. Юрий Тимофеевич стал для нее самым прекрасным мужем, а для сынишки замечательным отцом. Нормальные мужики именно так и поступают: любишь женщину – люби и ее ребенка. Такого принципа придерживался Юрий Тимофеевич, поэтому и полюбил Сережку, как родного сына да и Сергей в отце души не чаял. Бегал за мужичиной хвостиком, перенимал все привычки, учился чему-то новенькому, но и шкодничать не забывал, за что и получал иногда от отца поджопника. В общем – все, как у всех. Именно о такой семье мечтала Лилия Ивановна. Об этом мечтают большинство разведенных женщин, но, видимо, матери Сережки больше повезло! Ухаживая за своими любимыми мужчинами, женщина стала задумываться о втором ребенке. На ногах стоят твердо, почему бы нет? Да и Юрий обрадуется. Нося под сердцем малыша, Лилия Ивановна не сомневалась, что родится девочка: хватит с нее мужчин, хочется и косичек поплести. Юрию Тимофеевичу же было все равно, кого бог пошлет, того и любить будут. Бог послал дочку. Вот теперь они самая счастливая семья на свете! И это действительно было так. Время шло, дети росли. Сережка радовал родителей хорошими оценками, нянчил сестренку, а в свободное время взахлеб читал книжки. Нет, Сергей не был пай мальчиком: он так же, как и все мальчишки, иногда не учил уроки, приносил двойки. За что и получал от отца ремнем по заднице. Но Сережка на отца не обижался: тот же его всегда предупреждал, а мальчишка понадеялся, что прокатит. Но не всегда про-

24

катывало. Верней, совсем не прокатывало: не родился еще тот, кто сможет Юрия Тимофеевича вокруг пальца обвести. Тем более сын, которого он знает вдоль и поперек.

«Какая же все-таки странная эта штука, жизнь», – надевая наглаженный костюм, с волнением думал Сергей. Он волновался точно так же, как восемь лет назад, когда его мама вела в первый класс. Сегодня у него выпускной, наконец-то закончились все его мучения. Теперь не надо будет вставать по утрам, не надо уроки учить, но самое главное, не надо сестренку в школу вести, а на переменах выслушивать выговоры от Валентины Васильевны за то, что она пацанов лупит: сам же научил. А что ему оставалось делать? Какой нормальный брат выдержит, когда сестра каждый день жалуется, что ее мальчишки за косички дергают. Не пойдет же он драться с первоклашками! А вот сестренку научить постоять за себя – это в легкую. Вот она и разошлась не хуже пацана: дернул за косичку – получи в табло!

Уходя со школы, Сережка был за сестренку спокоен: ее уже никто не тронет. После школы Сергей поступил в Тю***кое речное училище, а через три с половиной года стал штурманом-механиком речного флота. Потом армия: полгода - учебка, затем Германия и остров Русский. Так что два года прошли не зря: будет, о чем вспомнить и дома рассказать. Возвращаясь со службы, он мечтал только об одном, чтобы на перроне его встретила любимая девушка, пусть посмотрит, кого потеряла. Хотя прекрасно знал, что она уже с другим, уже и ребенок подрастает. Девки, они же все такие: сначала клянутся в любви, ревут, обещают ждать, а потом... Потом стоит лишь на горизонте замаячить другому и всю их любовь, как корова языком слизала. Нет, он не тот человек, который может простить предательство. Если человек предал однажды, предаст и дважды! Да и не собирается он отношения выяснять: все, ее поезд ушел, просто хочется в глаза посмотреть.

Сергей увидел ее глаза спустя какое-то время. Они встретились случайно, она гуляла с коляской. Вот так. Возможно, если б не армия, и он был бы сейчас папой, работал, обеспечивал семью, по выходным выводил малыша на прогулку. Но случилось так, как получилось, да и рано ему еще папой становиться – погулять хочется. Совсем недавно Сергею хотелось наговорить этой женщине кучу

гадостей: мол, все вы из одного теста, все слабы на передок... А сейчас... Сейчас она не просто девочка, она уже мать и неприлично как-то говорить ей все эти гадости. Самое главное, что Надюха не загулялась и не пошла по рукам, а все остальное – мелочи. А он еще найдет свою судьбу, какие его годы. И ведь действительно, какие его годы, впереди вся жизнь и нужно его наслаждаться! Как говорят, чтобы в старости было, о чем вспомнить.

Усталость с душевными переживаниями все же дали о себе знать. Как-то незаметно Вику затянуло то ли в полусон, то ли в полубред.

А сегодня на душе было еще паскудней, чем вчера. Вчера она до самого вечера тешила себя надеждой, что у них с Сережкой все будет хорошо! Он же ей сам говорил: «если бы не нравилась, не целовал бы». Но нравиться и любить – это большая разница, это что кусок хлеба без масла, или чай без сахара: пьешь его, а он безвкусный. Вот и Сергей, видимо, не почувствовал той любви, которая разыгрывалась в его пьяном воображении: по пьяни все воспринимается по-другому. Иногда даже самый злейший враг становится самым лучшим корешем на свете, а море – по колено. Так что на Сережку ей грех обижаться, сама хотела. Так что получите и распишитесь, Виктория Дмитриевна, какие могут быть претензии? Ну, обещал подумать... Возможно, он и думает, а она? Вика посмотрела в окно. На улице светило яркое солнышко, чирикали воробьи, Катерина где-то в коридоре гремела кастрюлями. А это значит, что жизнь продолжается. И, несмотря на поганое настроение, ей придется вставать, умываться, приводить себя в порядок и ждать. Вот только кого, неизвестно. То ли Сережку, то ли еще кого...

В дом вошла Екатерина и с какой-то подозрительной улыбочкой спросила:

– Как спала, соня?!

– А почему соня? – натянуто улыбнулась Вика.

– Только сони могут дрыхнуть до часу дня.

Вика вскинула удивленные глаза.

– Чё, правда, что ли?

– Нет, блин, вру! Давай, вставай: тебя стирка ждет, – Катерина сделала продолжительную паузу. – Мне нужно на огород идти, а у Аньки все грязное. Простиришь?

Вика кивнула головой, хотя стирать ей сейчас меньше всего хотелось, но не отказывать же сестренке. А Катерина-то молодец, знает, как в такой беде помочь. Это, типа, развлекалочка, чтобы головку дурные мысли не посещали. «Умно придумала, умно!» – стирая Анюткину маечку, думала, улыбаясь, Вика. И ведь действительно, Катюха оказалась права. Трудотерапия облегчает душевную боль, переживание. Сидишь себе, стираешь, ни о чем не думаешь. Точнее, думаешь, как и в чем Анька умудрилась так футболку угваздать. Наверное, самая хорошая стиралка и то не достирается. На все про все у Вики ушло полтора часа. Вот уже и начало четвертого: скоро и Сережка с работы придет. Как бы то ни было, но вряд ли кто-нибудь или что-нибудь переключит ее мысли на новый лад. В подсознании у нее все равно сидел Сергей. И угораздило же ее влюбиться! Да еще в кого? В Сережку! Это ей не Ванька, у Сережки «крыша не бежит и гуси на юга не просятся». Ему не навешаешь лапши на уши, не уговоришь с ней просто дружить. Как говорится, покувыркались и будя! Да только это не ее вариант: каждый человек должен отвечать за свои поступки и Сережка в том числе. Сегодня они расставят все точки над «і» и неважно, что из того получится.

Вика застыла от удивления: в дом буквально ввалилась захмелевшая Екатерина.

– А вот и я, точнее мы! – хихикнула та и взглянула на своего спутника. – Это Женя!

– Да Вика меня знает, правда же, Вик? – засиял Женька и вытащил из-за пазухи бутылку.

– Это вы, по ходу, на огороде нашли? – съязвила Вика. Она иногда не понимала поведения Катьки. Еще вчера ее любимая сестренка была уверена, что кроме Максима ей никто не нужен, а уже сегодня... Нет, она не станет утверждать, что Катерина прыгнет с Женькой в койку, но и этого можно ожидать от Катьки.

– Чем вы, девушка, опять недовольны? – обнимая Вику, улыбнулась Катерина.

– Ты же говорила, что на огород пойдешь, а сама? Кать, вот что твой суженый скажет?

– Кто, Максим? Да не парься ты так! Я же не знаю, что он у себя там дома делает, так что... И вообще, что я, с Женькой ночевать собираюсь, что ли? Нет, просто шлея под хвост попала, бывшего вспомнила, – Катерина выдержала небольшую паузу. – Интересно, где он сейчас? Говорят, в город собирается переезжать. И почему мне так не везет?

– Ты его до сих пор любишь? – грустно улыбнувшись, спросила Вика.

– Сама не знаю... Наверное, просто привычка: три года – это не один день.

– Да-а уж!

Наконец в комнате появился Женька.

– Девчонки, чего загрузили?

– Да вот, думали, ты убег, – как всегда, первой, нашлась Вика. Она и сама не понимала, как в нужный момент в ее головушку приходят такие нужные слова. Оборжаться можно! Чтоб Женька от Катюхи убег! Неее, его отсюда сегодня тросом не вытянешь. Не то, что...

– Не дождетесь! – улыбнулся Женька и приземлился на стул. – А где твой? – глядя на Вику, поинтересовался он.

Вика на какое-то время застыла в замешательстве. Интересно, про кого он спрашивает? Про Ваньку? Или про Сережку? Про то, что у них с Серегой шуры-муры, Женька вряд ли знает, если только Катерина сболтнула. Так она не болтушка, не станет рассказывать первому встречному-поперечному, что с ее подружкой творится, да Женьке это и не интересно. Значит про Ваньку...

– Это ты про Ваню, что ли? – уточнила Вика. – Так нет его.

– Опять, что ли, посадили?

– Сплюнь, – Вика постучала три раза по деревяшке. – Проща любовь, завяли помидоры. Или как там говорится – не сошлись характерами. Расстались мы, расстались.

– Ой, надолго ли? – ухмыльнулся Женька.

– Навсегда! Пусть со своей мамочкой живет! Не хочу, надое-ло.

– А за меня замуж выйдешь? Я буду тебя любить, на руках носить!

– Ну-ну, знаем мы вашу любовь, – улыбнулась Вика. – Нет уж, я лучше как-нибудь одна. Правда ж, Кать?

– Ага, лучше ни с кем, чем с кем попало, – хихикнула Катерина, дорезая помидоры. – Жень, можешь не переживать: она уже нашла себе...

– Ну, вот так всегда... – Женька состроил разочарованную физиономию. – Ох, девки, вы, девки, и что я в вас такой влюбленный! За это стопудово надо выпить! – он потянулся за бутылкой. – Вик, ты будешь?

– Будет-будет! – сказала за Вику Катерина. – И не маши головой, от стопки ничего не случится.

Вика и сама прекрасно понимала, что ничего не случится, если только отпустит малость, а то вон сердечко стучит, словно загнанная птица в клетке. Скоро же Сережка явится и что потом? Он так же, как и вчера, будет ее избегать? Ходить по улице, думать, какой он дурак и какую глупость совершил. Или скажет все напрямую? Иди ты к черту, люби дальше своего Ваню и будьте счастливы! И Вика, возможно, согласилась бы с ним: лучше уж синица в руках, чем журавль в небе. Да и любовь еще не остыла, но так было позавчера, когда они еще друг другу не изменяли. Ну, поругались и поругались, с кем не бывает? Ему стоило поманить ее пальчиком и она тут как тут. Так было всегда, и если бы Сережки не было, может быть, так было бы и сегодня, но...

Глядя, с каким смаком Вика опрокинула, не поморщившись, рюмку, Женька, улыбаясь, заплодировал:

– Браво, браво!!!

– Ну так, чья ж школа, – взглянув на Катерину, съязвила Вика.

– Это что, она тебя так научила? – заговорщицки подмигнул Женька.

– А кто ж еще?

– Давайте-давайте, валите все шишки на Серого, Серый вывезет, – Катюха, улыбнувшись, взглянула в окно. – Вот и твои идут.

– В смысле, мои? – напугано проговорила Вика, вытаращившись в окно. Да-а, вот такого поворота она никак не ожидала! То ни одного, а то сразу двое! Она чувствовала, как внутри возрождается невообразимый вулкан и обжигает ей щеки, сердце проваливается

куда-то в пятки, а по спине бежит противный холодок. Вот этого ей только не хватало!

– Всем привет! – поприветствовал всех с порога Ванька.

– Да и тебе не хворать! – съехидничала Катерина. Он хоть ничего плохого ей и не сделал, но из-за женской солидарности она, так же как и Вика, была не в восторге от его появления.

Чтоб хоть как-то реабилитироваться, Ванька вытащил из-за пазухи литрушку и поставил на стол со словами:

– Гулять, так гулять!

– А по какому поводу хоть пить-то будем? – удивленно вскинув ресницы, спросила Катерина.

– Была бы водка, а повод всегда найдется, – улыбнулся Сережка, ставя на стол очередную литру.

– Вы что, сегодня с ума посходили? – глядя на спиртное, проговорила Катюха и принялась готовить закуску.

«Точно с ума посходили», – подумала Вика, стараясь хоть чуточку унять в себе волнение, которое било через край. В голове творилась такая неразбериха... То никого не было, а то сразу двое, вот и попробуй разобраться...

Полчаса назад она была уверена, что ей нужен Сережка и только Сережка, но стоило ей увидеть Ваньку... Правильно Катерина сказала: «три года – это не неделя и даже не месяц», а у них уже пятый год пошел. И что толку? Большая любовь в здоровые отношения никогда не перерастет. Да и не нужен он ей больше. Так еще позавчера решила для себя Вика. Решить-то решила, только вот что делать с сердцем? С тем, которое до сих пор не хочет его отпускать. И зачем он снова приперся? Неужто, чтобы позлить ее? Или заставить ревновать? Он же так привык тешить свое самолюбие за ее счет. Но сегодня он не угадал, она намного сильнее, чем ему кажется. Да и Сережка у нее есть, вон, как на нее смотрит. А говорят, «клин клином вышибают!» Неспроста же придумали умные люди поговорки, решила Вика и посмотрела на Сергея, который только что подошел к столу.

– Я, наверное, заняла ваше место? – взглянув на Сережку, встрепенулась Катерина. – Натэ, садитесь.

Сергей будто этого и ждал. Примостившись рядом с Викторией, он обнял ее за плечи и притянул к себе.

– Ты прости меня за вчерашнее, но мне надо было подумать.

– Подумал? – сглотнув противный ком, который то и дело появлялся в горле, чуть слышно спросила Вика.

Внутри все ждалось: вот и наступил час беспощадной правды, которую она, наверно, боялась больше всего услышать, но и закрывать уши – тоже не выход. Как там бабушка говорила: лучше уж резать без всякого наркоза, быстрее заживет. Да и она еще не успела к нему привязаться так сильно, чтобы полжизни страдать. Понятное дело: неприятно. Ну, поплачет маленько, а потом все заживет. У Катерины же заживает, а она, Вика, что, из другого теста? Девушка взглянула на Ваньку. Неделию назад ей тоже казалось, если он ее бросит, она умрет, задохнется от боли. Но нет, от боли не всегда умирают. Ее просто учатся терпеть, а терпенье у нее – дай бог каждому! Вот взять хотя бы эту ситуацию. Сережка сидит и смотрит на нее непонятно, какими глазами. То ли влюбленными, то ли ему так жалко ее обидеть?

– Подумал, – после длительной паузы, наконец, проговорил Сергей. – Твое предложение еще в силе? – ощутив на себе Викин вопросительный взгляд, он добавил: – Ну, ты еще не передумала выходить за меня замуж? Если нет, то, Виктория Дмитриевна, будьте моей женой!

Что-то ухнуло внутри, волна счастья забурлила в ней. Вику так и подмывало сказать: «а можно подумать?» Но слова застревали где-то в горле, она смотрела на Сережку захмелевшими от счастья глазами и не могла поверить, что это именно с ней происходит. Еще бы! Сколько раз она слышала унижения в свой адрес: мать беспрестанно повторяла ей, что, мол, ни один дурак не позарится на такую. Что Ваня и то, понарошку с ней дружит. И в какой-то момент Вике самой показалось, что это именно так и обстоит. Какому мужику захочется стать для нее руками и ногами, кормить ее из ложечки, выносить горшки? Ванька, наверно, именно поэтому и не видел с ней будущего, потому что не любил. А она его? Она его любила, несмотря на все его недостатки. А их у Ваньки много. И один из них – энурез. Бывает, как «рыбы наловит»... Потом два дня матрас сохнет. «Вот теперь пускай с другими ловит», – выдохнула Вика и ощутила на себе Сережкин пытливый взгляд. Вот так же и она, наверно, вчера смотрела на него и ждала, когда он, наконец, признает-

ся в любви или пошлет ее к едрене-фене! Слава Богу, этого не случилось! Вот он сидит рядом с ней и предлагает ей выйти замуж. И Вика, конечно, скажет «да!», только немножко попозже. Как никак, но она девочка, да и предложение не каждый день делают. А Ванька? Да что Ванька: напьется, проспится да и уйдет «с глаз долой, из сердца вон!»

– А ты потом не пожалеешь? – наконец спросила Вика, глядя Сережке прямо в глаза.

– Поживем, увидим, – ответил Сергей. Он с Викой был честен: ведь жизнь такая непредсказуемая штука. Сам не знаешь, чего от нее ожидать. Вот он несколько дней назад и представить не мог, что так запросто сделает Вике предложение. Но ведь сделал же, а что будет дальше, никто, кроме Господа Бога не может знать.

– Ты же мне сама позавчера сказала, давай попробуем. Теперь я тебе говорю: давай попробуем?

– Давай попробуем, – чуть слышно повторила Вика и их губы встретились. Сережка целовал ее на глазах у всех без всякого стеснения. Чем она хуже других?

– За это надо выпить! – предложила Катерина, которая радовалась за Вику больше всех, потому что как никто другой, знала, что ее сестренка заслужила право на счастье! И пусть оно пока призрачное, эфемерное... Возможно, спустя некоторое время Сергей заберет свои слова назад. Но сегодня он объявил о помолвке, а это значит, что Вика счастлива!

– Наконец и на моей улице КамАЗ с пряниками перевернулся, – глядя на Катерину и улыбаясь, проговорила Вика. – Благодаря тебе! Да я вообще, я до гробовой доски с тобой не рассчитаюсь!

– Да брось ты!

– Бычок за угол, – пошутила Вика. – Так я ж не курю.

– Ну, когда-то ж курила, – улыбнулась Катерина. – Что мы с тобой тогда курили?

– «Беломорканал», – рассмеялась Вика. – Да-а, как же это было давно... Нам тогда по лет восемь-девять было?

– А как подсолнухи воровали...

– Я потом, на крылечке, семечки продавала, за что от мамки по заднице и получила, а ты убежала. Ты от меня всегда убегала, а я плакала.